

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВЫХ
ХАРАКТЕРИСТИК ГЕРОЕВ РОМАНА Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО
«ПОДРОСТОК»

Джураева Мадина Мамуровна

Преподаватель кафедры русского языка и литературы,
Денауского института предпринимательства и педагогики,

djuraevamadina554@gmail.com

Мухиддинова Манзура Баходир кизи

Студентка Денауского института предпринимательства и педагогики

Manzura21muhiddinova@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются языковые средства создания речевых характеристик главных героев романа Ф. М. Достоевского «Подросток». Анализируются структурные особенности речи Аркадия Долгорукого (синтаксический строй, лексические повторы, градации), Версилова (стилизация под евангельский текст) и Макара Долгорукого (библейская стилизация). Особое внимание уделяется семантической функции «внутренней речи» и «воображаемых диалогов» как способа раскрытия психологического состояния героев.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Подросток», речевая характеристика, структурно-семантический анализ, внутренняя речь, стилизация, синтаксис, лексика.

Abstract: This article examines the linguistic means used to create the speech characteristics of the main characters in Fyodor Dostoevsky's novel "The Adolescent." It analyzes the structural features of the speech of Arkady Dolgoruky (syntactic structure, lexical repetitions, gradations), Versilov (stylization of the Gospel text), and Makar Dolgoruky (biblical stylization). Particular attention is paid to the semantic function of "inner speech" and "imaginary dialogues" as a means of revealing the psychological state of the characters.

Key words: F. M. Dostoevsky, "The Adolescent", speech characteristics, structural and semantic analysis, inner speech, stylization, syntax, vocabulary.

Введение. Роман Ф. М. Достоевского «Подросток» (1875) занимает особое место в творчестве писателя, являясь, по определению исследователей, «наименее изученным» произведением «великого пятикнижия» [1, с. 4]. В центре романа — процесс становления личности девятнадцатилетнего Аркадия

Долгорукого, что определяет жанровую специфику произведения как «романа воспитания» [8, с. 15]. Особую роль в раскрытии характеров героев играют их речевые характеристики, которые, по словам М. М. Бахтина, становятся инструментом «полифонического» изображения сознания [3, с. 35].

Как отмечает Э. А. Демченкова в диссертационном исследовании, посвященном поэтике романа, «синтаксические особенности речи главного героя» выступают важнейшим средством характеристики процессов его сознания [1, с. 251]. Речь героев Достоевского не просто передает информацию, но отражает внутреннюю борьбу, «надрыв» (nadryv) и поиски идентичности [7, с. 149].

Цель настоящей статьи — выявить структурно-семантические особенности речевых характеристик ключевых персонажей романа «Подросток» и показать, как язык героев формирует их образы.

Речь Аркадия Долгорукого: синтаксис «надрыва» и лексика самораскрытия.

Темпоральная напряженность повествования. Речь главного героя и повествователя Аркадия Долгорукого отличается уникальной структурной организацией, передающей его внутреннее состояние. Исследователи отмечают «ритмическую перенапряженность и ускоренный темп» повествования [5, с. 186]. Это проявляется в характерных конструкциях: «...схватил извозчика и полетел»; «...ничего не разбирая и наталкиваясь на народ, добежал я, наконец...» [5, с. 187].

Особую роль играет начальная фраза романа: «Не утерпев, я сел записывать эту историю...» Деепричастие как первое слово задает «динамический, порывистый характер» всему повествованию, отличаясь от замедленного летописного тона «Бесов» или «Братьев Карамазовых» [5, с. 188]. Стремительный темп соответствует «духовному беспокойству и целеустремленности» героя [5, с. 188].

Лексические особенности: резкость и обнаженность чувства. Речь Аркадия изобилует резкими выражениями, «ломающими рамки пристойной и общепринятой речи»: «я всегда плевался, вслух плевался», «прет», «вся эта дрянь», «из подлейших ихних приличий», «влез в фамильярность», «размазывать чувство» [5, с. 186]. Эта лексика передает душевное смятение героя, его постоянное пребывание в состоянии «надрыва» [7, с. 149].

Характерно сочетание скрытности со страстным желанием высказаться до конца: «...тащить внутренность души моей... на их литературный рынок почел бы

неприличием и подлостью». Авторская ремарка «простите иступленному подростку его неуклюжие слова!» свидетельствует о рефлексии героя над собственным языком [5, с. 186].

Синтаксические повторы и градации. Для речи Аркадия характерны повторы и нагнетания, передающие волевою напряженность: «...вы уж теперь непременно должны ответить, вы обязаны...»; «Это верно, это очень верно, это — очень гордый человек!»; «...полнейшее уединение и тайна. Уединение — главное...» [5, с. 187].

Градация эпитетов с возрастающей силой создает эффект эмоционального усиления: «...содержание этой ужасной, безобразной, нелепой, разбойнической записки...». Эпитеты, по наблюдению исследователей, часто «угрюмые»: «гнилой, склизлый город», «на истасканном диване», «дырявый плетеный стул», «смердящее добродушие», «безобразное известие». Эпитет «в наше прокислое время» резюмирует многие другие [5, с. 189].

Образность и конкретность в раскрытии чувства. Достоевский достигает «конкретности, объемности изображения чувства» через развернутые сравнения. Показателен фрагмент: «Но что мучило меня до боли (мимоходом, разумеется, сбоку, мимо главного мучения) — это было одно неотвязчивое, ядовитое впечатление — неотвязчивое, как ядовитая, осенняя муха, о которой не думаешь, но которая вертится около вас, мешая вам и вдруг пребольно укусит» [5, с. 188]. Это «сбоку», «мимо главного мучения» придают описанию «наглядности и выпуклости» [5, с. 188].

Сложная структура внутренней речи: «речь внутри речи». Особого внимания заслуживает структурная организация внутренней речи Аркадия. Как показывает В. Сизова в исследовании в рамках проекта Digital Dostoevsky, «почти все внутренние монологи главных героев включают воображаемую речь из прошлого или будущего, иногда превращаясь в сложные воображаемые диалоги» [6, с. 2].

В романе возникает феномен, который исследовательница называет литературным «insertion» (внедрением): персонажи создают в своем воображении других персонажей и ведут с ними диалоги, которые никогда не происходили в реальности [6, с. 3]. Это создает «слои взаимодействий не только между собой, но и внутри собственного сознания» [6, с. 4].

Показателен пример, когда Аркадий представляет гипотетическую ситуацию разговора с матерью и сестрой о выборе между ним и Версиловым: «"Либо он, либо я" — вот выбор, который я собирался предложить ей и моей

сестре». Эта речь не произнесена вслух и относится к возможному будущему, но структурно оформлена как прямая речь.

Другой пример — воображаемый ответ чиновника: «Я думал, что на мой ответ он добавит: "Зачем?"» [6, с. 5]. Чиновник в реальности этого не говорит, но цитата оформлена как прямая речь с характерным добавлением «-с», свойственным речи данного персонажа.

В сцене у Дергачева Аркадий, отвечая на реплику «голоса», которого считает «совершенным ничтожеством», адресует свои слова молчащему учителю: «"Всякий человек имеет свою идею", — продолжал я, упорно глядя на учителя, который молчал и с улыбкой смотрел на меня» [6, с. 6]. Таким образом, безмолвный персонаж становится адресатом речи, что усложняет структуру диалога.

Речь Версилова: стилизация и пародия на евангельский текст.

Речь Андрея Петровича Версилова, отца Аркадия, строится на иных структурно-семантических принципах. А. Е. Авдеева в докладе на конференции СПбГУ показывает, что «уподобление стиля речи Версилова Откровению Иоанна Богослова создает иронию в тексте» [2, с. 1].

Основные черты стилизации:

1. Обилие однородных предложений, разделяемых повторяющимся союзом «и», сближающих текст со Священным Писанием [2, с. 2].
2. Сближение образа «жидовского царства» с образом саранчи из Откровения [2, с. 2].
3. Возникновение библейской символики чисел — «77 поражений».

При этом «слова Версилова вступают в противоречие друг с другом, раскрывая перед читателем психологический портрет героя» [2, с. 2]. Стилизация под высокий библейский стиль контрастирует с внутренней опустошенностью персонажа, создавая эффект пародии: «Современный героям мир сближается с апокалипсисом» [2, с. 2].

Речь Макара Долгорукого: библейская стилизация как отражение чистот.

Иной тип речевой характеристики представляет Макар Иванович Долгорукий, законный отец Аркадия. Его речь, особенно в монологах, «проникнута живым размышлением о Священном Писании». Если у Версилова стилизация создает иронию, то у Макара она отражает «нравственную чистоту героя» [2, с. 2].

Макар Иванович берет на себя роль нравственного учителя. Перед смертью он отождествляет себя с библейским Иовом, видя в близких утешение: «Такое сравнение углубляет образ героя». Функции стилизации здесь иные: «1) раскрытие миропредставления героя; 2) отражение потребности в нравственном поиске; 3) расширение образа» [2, с. 3].

Семантическая функция речевых характеристик в системе образов.

Речевые характеристики героев «Подростка» выполняют важнейшую смыслообразующую функцию. Речь Аркадия отражает его «поиск самости» (selfhood), проходящий через фазу отчуждения, которую У. К. Брумфилд связывает с гегелевским понятием «Entäusserung» [7, с. 149]. Ложная компенсация чувства неполноценности выражается в «идее Ротшильда» — тщетном поиске власти через богатство [7, с. 150].

В. Комарович в раннем исследовании обращал внимание на то, что «сила ощущения раздвоения сосредоточена в отдельном жесте, акте, движении, или в драматической сцене» [8, с. 36]. Например, «странный смех» Версилова передает его двоение между матерью Аркадия и Ахмаковой; в сцене с иконой раздвоение выражено в жесте расщепления образа [8, с. 36].

Таким образом, структурные особенности речи (синтаксис, лексика, ритм) неразрывно связаны с семантикой образов: «языковые средства сосредоточивают в себе широкое, многоплановое содержание, образуя систему спектрального художественного анализа» [1, с. 295].

Заключение. Анализ структурно-семантических особенностей речевых характеристик героев романа «Подросток» позволяет сделать следующие выводы:

1. **Речь Аркадия Долгорукого** характеризуется ускоренным темпом, деепричастными конструкциями, резкой лексикой, синтаксическими повторами и градациями. Эти средства передают «надрыв», духовное беспокойство и процесс становления личности.
2. **Структура внутренней речи** героя отличается сложностью: включает воображаемые диалоги, речь из прошлого и будущего, обращение к безмолвному собеседнику. Это создает феномен «литературного внедрения» (insertion), позволяющий раскрыть глубинные слои сознания.
3. **Речь Версилова** строится на стилизации под евангельский текст (обилие союзов «и», библейская символика), но выполняет пародийную функцию, обнажая внутренний разлад героя.

4. Речь Макара Долгорукого также использует библейскую стилизацию, но с иной семантикой — как отражение нравственной чистоты и учительства.

Таким образом, Достоевский создает «полифоническую» структуру романа, в которой каждый герой говорит на своем языке, и эти языки вступают в сложные диалогические отношения [3, с. 45]. Исследование речевых характеристик позволяет глубже понять художественное своеобразие «Подростка» и его место в творчестве писателя.

Список использованной литературы.

1. Демченкова Э. А. «Подросток» Ф. М. Достоевского как роман воспитания: Жанр и поэтика: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.01. — Екатеринбург, 2001. — 326 с.
2. Авдеева А. Е. Стилизация и пародия на евангельский текст в романе Ф. М. Достоевского «Подросток» // XXI Открытая конференция студентов-филологов в СПбГУ. — СПб., 2018. — URL: <https://conference-spbu.ru/en/conference/39/reports/9093> (дата обращения: 14.03.2026).
3. Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. — 2-е изд. — М.: Советский писатель, 1963. — 363 с.
4. Kamyshnikova V. P. Mastering the Author's Style: Working with the Text of F. M. Dostoevsky's Novel The Adolescent in a Reading Performance // Theatre. Fine Arts. Cinema. Music. — 2025. — № 1. — P. 197–215. DOI: 10.35852/2588-0144-2025-1-197-215.
5. Строение речи // StudFiles. — URL: <https://studfile.net/preview/460761/page:13/> (дата обращения: 14.03.2026).
6. Sizova V. Speech within Speech, or the Literary “Inception” in Dostoevsky’s “The Adolescent” // Digital Dostoevsky. — 2022. — URL: <https://digitaldostoevsky.com/2022/06/30/speech-within-speech-or-the-literary-inception-in-dostoevskys-the-adolescent/> (дата обращения: 14.03.2026).